# О ДАТИРОВКЕ "ПОВЕСТИ О ЧУДЕСАХ ВИЛЕНСКОГО КРЕСТА"

Т.А.БРУН

Произведения муромской тематики XУI-XУII веков:"Повесть о Петре и Февронии","Житие князя Константина Муромского с чадами","Житие Ульянии Лазаревской" и "Повесть о Марфе и Марии" ("Сказание об Унженском кресте") - хорошо известны и в разной степени изучены или изучаются исследователями древнерусской литературы. Гораздо менее известна относящаяся к тому же кругу "Повесть о чудесах Виленского креста", с созданием которой окончательно оформился житийно-повествовательный цикл, представивший своего рода легендарную историю Муромского края через историю ее христианских святынь. В связи с этим важно определить время написания этой небольшой, но безусловно интересной, особенно для местной литературной традиции "Повести". В ней рассказывается, как арзамасец сын боярский Василий Сергеев сын Микулин в 1658 году передал муромскому купцу Богдану Борисовичу Цветному серебряный крест-мощевик для построенного Цветным Троицкого монастыря. По словам Микулина, крест был найден им во время разорения Вильны, а привезен в Муром по указанию, данному ему в видении с угрозой в случае неповиновения попасть в плен. Отдав крест Цветному, Микулин едет на службу и под Конотопом попадает в плен к татарам, однако ему удается бежать и благополучно добраться до Мурома - в чем Повесть видит помощь и заступничество животворящего креста.

При публикации "Повести"[1] мы предположили, что она могла быть написана в последней трети XУII в., еще при жизни ее героев, поскольку в ее тексте обнаруживаются следы их рассказов от первого лица. Попробуем уточнить эту датировку.

---

[1] Т.А.Брун.Муромская "Повесть о чудесах Виленского креста" - ТОДРЛ, т.XXXIУ, Л.,1979,с.323-331. Далее ссылки на эту работу и текст "Повести" в скобках в тексте.

Определим временные границы периода, когда "Повесть" могла быть создана. Описываемые в ней события заканчиваются в последней трети 1660 (сентябрьского) года: попав в плен в битве под Конотопом летом 1659 г., Василий Микулин пробыл там до Великого поста следующего года. Самый ранний список "Повести" - из сборника ГИМ, Музейское собр., № 645 относится ко 2-й четверти XУIII в.[2/] Это список наиболее близкого к архетипу вида Основной редакции, причем в нем уже есть случаи порчи текста, свидетельствующие о наличии к этому времени некоторой рукописной традиции "Повести". Кроме того, существует точно датированный список "Повести" 1740 г.[3/] Таки образом, время создания "Повести о Виленском кресте" приходится на период с конца 1660 по 2-ю четверть XУIII в., до 1740 г.

Важным фактором определения времени написания "Повести" могла бы быть датировка самого креста, однако он утрачен и известен лишь по описаниям "Повести" и некоторых местных краеведческих источников. В этих условиях полезно проанализировать перечень содержавшихся в кресте мощей , сохранившийся во всех известных списках "Повести": "Часть древа жезла пророка Моисея, риза преподобнаго Сергия Радонежскаго, риза Ефрема Новоторжскаго, трости Антония Римлянина, гробы Гурия и Варсонофия Казанских, персть Евфросинии Суждалския, гроб Макария Желтоводскаго" (с.330).

---

2/ Сборник содержит произведения муромского цикла (так называемый Муромский сборник полного состава), 4°, 209 лл, бумага с филигранью РФ (лигатура в картуше)/ I МD (лигатура) - С.А.Клепиков. Филиграни на бумаге русского производства XУIII - начала XX века. М.,1978, № 674 - 1735 г. Почерк рукописи - полуустав одной руки - не противоречит датировке по бумаге.

3/ Научная библиотека Саратовского гос.ун-та, собр.Шляпкина, № 367.

Легендарная реликвия "древо жезла Моисея" очень редко встречается в русских памятниках. Кроме Виленского креста, нам известно только три таких случая: 1. серебряный ковчег-мощевик суздальско-нижегородской княгини Марии 1410 г.[4/]; 2. золотой крест-мощевик ХУI в., в который "жезл Моисеев", судя по почерку надписи, был помещен лишь в середине ХУII в.[5/]; 3. крест-мощевик начала XIX в. из собрания Муромского историко-художественного музея (М-4624)[6/]. Таким образом, несмотря на редкость, эта реликвия дает очень широкий временной промежуток: с начала ХУ по XIX в. и не может служить датирующим признаком для содержавшего ее креста.

Среди реликвий Виленского креста выделяется группа мощей, обретение которых произошло в последних десятилетиях ХУI в. В 1572 г. были открыты мощи Ефрема Новоторжского, празднование которому установлено в 1584-1587 гг.[7/]; около 1590 г. игумен Кирилл в ризнице Антониева монастыря в Новгороде обнаружил трости, по преданию приплывшие с Антонием Римлянином на камне[8/] (в надписи на Виленском

---

4/ Т.В.Николаева.Произведения русского прикладного искусства с надписями ХУ-первой четверти ХУI в. - Археология СССР. Свод археологических источников, вып.Е1-49. М.,1971, с.32.

5/ Т.В.Николаева. Семейная реликвия Бутурлиных.- Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983 г. Л.,1985, с.397-407.

6/ Датирован крест С.В.Гнутовой, ею же оказана помощь в поисках аналогий для надписи "древо жезла Моисеева", за что приношу искреннюю благодарность.

7/ Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб.,1862, с.109.

8/ В.О.Ключевский. Жития святых как исторический ис-

кресте упомянуты именно т р о с т и Антония); 4 октября 1595 г. обретены мощи казанских чудотворцев Гурия и Варсонофия и, как свидетельствовал присутствовавший при этом казанский митрополит Гермоген, будущий патриарх, переложены из гробов в ковчеги9/ (в Виленском кресте - г р о б ы Гурия и Варсонофия). К этой же группе можно отнести и ризу Сергия Радонежского, чьи мощи, обретенные еще в 1422 г., в 1585 г. были переложены из старой раки в новую10/, однако следует учитывать более ранние упоминания ризы Сергия в надписях на памятниках, например, на мощевике, вложенном в Троице-Сергиев монастырь суздальскими князьями в начале ХУI в.11/

Другая группа содержит реликвии, которые связаны с событиями второй половины ХУII в. Частица гроба Макария Желтоводского и Унженского могла быть взята только в период с 1671 по 1675 гг., когда в Унженском Макарьеве монастыре стояли открытыми (не под спудом) его (или выдававшиеся за его, что в данном случае не принципиально) мощи, обретенные вместе с нетленной нижней доской гроба12/. Мощи Евфросинии Суздальской, канонизированной еще при митрополите Антонии (1572-1581 гг.), были обретены вообще лишь 18 сентября 1699 г. и тогда же положены в соборной церкви Суздальского Ризположенского

---

точник. М.,1988, с.309.

9/ Е.Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с.119.

10/ Там же, с.72.

11/ Т.В.Николаева. Произведения русского прикладного искусства с надписями.., с.13.

12/ Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария Желтоводскаго и Унженскаго чудотворца, составлено профессором иеромонахом Макарием, в двух частях. М.,1851. Ч.I, с.59-60.

монастыря[13].

Чтобы согласовать известие "Повести" о передаче креста Василием Микулиным Богдану Цветному в 1658 г. с наличием в нем мощей, открытых лишь десятилетия спустя, приходится допустить неодновременность "комплектования" набора содержавшихся в нем реликвий. Аналогичный процесс складывания памятника имел место, например, с упомянутым золотым крестом-мощевиком ХУI в. - семейной реликвией Бутурлиных, который дополнялся мощами на протяжении ХУII в.[14] Возможно, вначале Виленский крест содержал мощи Сергия Радонежского, Ефрема Новоторжского, Антония Римлянина и Гурия и Варсонофия Казанских и в таком виде существовал уже в конце ХУI - начале ХУII в. Мощи Макария Желтоводского и Евфросинии Суздальской были помещены в крест позднее, когда он уже находился в Муроме, причем Евфросинии - не ранее 1699 г., т.е. почти в ХУIII в. Если учесть, что автор "Повести" при описании креста должен был списать с него надписи в таком порядке: на верхнем конце вертикальной части - на левой части перекладины - на правой части перекладины - на нижнем конце вертикальной части (т.е. так, как они читаются), то получится, что более поздние надписи оказываются последними, списанными с нижнего конца вертикальной части, обычно более длинной и, следовательно, имевшей свободное место для дописывания. "Древо жезла Моисеева" могло быть и среди первоначальных реликвий, но могло попасть в крест и позже.

Итак, Виленский крест не ранее самого конца ХУII в. получил свой окончательный вид, который - и это самое главное - отражен в муромской повести. Все известные нам списки "Повести" включают полный перечень мощей, в том числе и Макария Желтоводского и Евфроси-

---

13/ Словарь исторический о святых.., с.103-104.

14/ Т.В.Николаева. Семейная реликвия Бутурлиных.., с.398-401.

нии Суздальской[15/]. Значит, "Повесть" была написана в то время, когда эти мощи уже были в кресте, т.е. после 1699 г. и до 1740 г.

Этот вывод подтверждается еще одним обстоятельством. "Повесть о Виленском кресте" входит в цикл произведений муромской тематики, объединенных в особую рукописную книгу "Муромский сборник". Складывание этой книги шло на протяжении второй половины XVII века. От конца XVII в. известно 5 таких рукописных книг (ГПБ, собр.Титова, №2487; ГИМ, собр.Уварова, № 425; ГИМ, собр.Барсова, № 803; ГБЛ, собр.Овчинникова, № 298; ЯГМЗ, № 138), но несмотря на стремление их составителей объединить в них все, относящееся к муромской церковной истории, включая службы и каноны муромским святым, "Повесть о Виленском кресте" ни в одном из этих сборников не представлена и впервые встречается, как указано выше, лишь во 2-й четверти XVIII в. При этом рукописная традиция "Повести" связана исключительно с Муромским сборником: она не встречается ни отдельно и ни в каком другом окружении[16/].

Мы пришли к выводу, что "Повесть о Виленском кресте" могла быть написана не ранее первых десятилетий XVIII в. Как же тогда объяснить следы рассказов ее героев, которые остались в тексте? Сведения, которые мы имеем о личности Богдана Цветного и предположительно – о Василии Микулине, исключают возможность записи их рассказов в это время (с.324-325), значит, автор "Повести" воспользовался их письмен-

---

15/ За исключением старшего списка ГИМ, собр.Музейское, № 645, где отсутствует упоминание ризы Ефрема Новоторжского. Это просто механический пропуск, свидетельствующий о наличии к этому времени рукописной традиции "Повести".

16/ Сборник Научной библиотеки Саратовского университета, собр.Шляпкина, № 367, содержащий "Сказание об Унженском кресте" и "Повесть о Виленском кресте", судя по наличию в нем еще одной статьи "О принесении

ной фиксацией. Относительно рассказа Василия Микулина о его пребывании в плену и побеге мы обосновали предположение о том, что в его основе лежит челобитная-просьба о выплате полонных денег, что подтверждается сходством с композицией и лексикой аналогичной челобитной 1643 г.[17] Можно также сопоставить рассказ Василия "Повести" с выделенным на основе анализа обширного материала ХУI-ХУII вв. общим формуляром и лексико-фразеологическим составом челобитных[18].

Не все структурные элементы данного вида документа находят соответствие в "Повести". Из начального протокола нет формулы адресата (обращения к царю) и собственно челобитья ("челом бьет"), зато формула адресанта отражена во вводящих Василия в повествование словах "Я де града Арзамаса сын боярской, зовут Василием Сергеев сын Микулин" (с.328). Здесь указано название лица по месту жительства и по социальному положению (С.С.Волков называет это приложением к формуле адресанта) и имя и фамилия, но в отличие от челобитной, не в уничижительно-пренебрежительной форме, а в полной и даже с отчеством; при этом также отсутствует формула вассальной зависимости ("холоп твой" и т.п.). Из основной, казусно-просительной части челобитной в "Повести" не находит соответствия просительная, т.е. изложение прось-

---

...икон...в царствующий град Москву...", встречающейся в Муромских сборниках полного состава, представляет собой либо часть такого сборника, либо выкопировку из него.

[17] Т.А.Брун. Возможный источник "Повести о чудесах Виленского креста" (К проблеме связей древнерусской литературы и деловой письменности) - Материалы чтений по древнерусской литературе и культуре в Нижнем Новгороде. (в печати).

[18] С.С.Волков. Лексика русских челобитных ХУII века: Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.,1974.

бы о награде за "полонное терпение", а также не прослеживается заключительная формула (конечный протокол) типа "Царь государь, смилуйся, пожалуй". Отсутствие этих частей документа в "Повести" вполне естественно: мотив награждения Микулина государством ей не нужен, по мысли автора, его награда - в чудесном спасении от татарского плена; судьба героя интересна не сама по себе, а как иллюстрация идеи о всеобъемлющем божественном промысле. Автору "Повести" важны конкретные подробности побега, их он находит в казусной части документа, основное содержание и изложение которой не связано со специальными формулами, за исключением приемов введения в описание обстоятельств дела. Основной способ введения - "зачин-датировка", причем дата может быть указана и точно, с месяцем и числом, и более приблизительно: "в нынешнем (в прошлом)...году". Рассказ Василия о плене начинается так: "...в нынешнем 7166-м году по указу великого государя нашу братью учали высылати на службу..." (с.328-329), т.е. в соответствии со структурой челобитной.

Содержание рассказа Василия о плене и побеге, соотносимое с нерегламентированной казусной частью челобитной, в основных мотивах и композиции совпадает с соответствующей частью упомянутой челобитной 1643 г.[19] Кроме того, в рассказе Василия Повести обнаруживаются следы этикетных формул и этикетно-традиционных определений, свойственных деловой письменности в целом и челобитным в частности: "по указу великого государя", "на службе великого государя", "волею божиею...взяли его в полон крымския татары".

Предположение, что автор "Повести о Виленском кресте" использовал в качестве источника подлинный документ - челобитную Василия Мику-

---

[19] Т.А.Брун. Возможный источник "Повести о чудесах Виленского креста"... (в печати).

лина, объясняет наличие эффекта устного рассказа Василия: ведь челобитная писалась от первого лица и с живыми подробностями передавала суть происшедшего. Использовав всю фактическую часть документа в третьей части "Повести" и отбросив ненужные элементы формуляра, автор ввел некоторые формулярные сведения в другие части "Повести": имя и звание Микулина называется в рассказе Цветного, сведения об участии Микулина в походе на Вильну и начало рассказа о плене находятся во второй части "Повести".

Требует объяснения и первая часть "Повести", представляющая собой рассказ Богдана Цветного о получении им креста от Василия Микулина. В этом рассказе, написанном в третьем лице, есть фраза, указывающая на то, что автор "Повести" имел источник, написанный от первого лица: "И он Богдан усумневся, не искус ли какой хощет учинити надо мною" (с.328). Возможно, в Троицком монастыре существовала запись рассказа Цветного, сделанная при его жизни, фиксировавшая обстоятельства приобретения креста. Рассказ сохранил конкретные подробности, свойственные свидетельству очевидца: указан не только год, но и месяц, и день недели, и даже время дня, в которое произошла встреча Цветного и Микулина; обозначено место встречи - "против улицы своей" - т.е. Цветного[20/]; Василий достает из шапки крест, "оболочен в бумаге" (с.328). Однако возвести эту часть "Повести" к

[20/] В Муроме действительно существовала улица, носившая название Цветновской. Она упомянута в тяжбе о земле 1773 г. между Троицким и Благовещенским монастырями, находилась близ Троицкого монастыря. Дело опубликовано в Материалах для истории Муромского Троицкого женского монастыря - Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн.5. Владимир, 1903, с.33.

какому-либо определенному виду деловой письменности мы пока не можем.

Уже отмечалось, что хронологические указания "Повести" не соответствуют реальным датам описываемых событий (с.325). Взятие Вильны русскими войсками произошло в конце июля 1655 г., битва под Конотопом – 28 июня 1659 г., в "Повести" же Виленское взятие датировано 165-м (1657) г., а Конотопское сражение – 7166 (1658) г., соответственно побег из плена 7167 (1659) г. Между тем Василий Микулин, попав в плен под Конотопом летом 1659 г. и пробыв в плену с осени до Великого поста следующего года, вернулся в Муром не раньше весны – лета 1660 г., вскоре после чего и должен был написать челобитную. Излагая обстоятельства дела, он указал исходную дату события, т.е. своего призыва на службу – 1658 г. Этот же год указан и Богданом Цветным в рассказе о передаче креста. Остается предположить, что Василий два года подряд нес сторожевую службу на южных границах государства, а "Повесть" слила их в один, чтобы нагляднее передать идею скорого наказания за вину ослушания божественной воли. Ошибка в дате взятия Вильны могла получиться следующим образом. Описывая в челобитной свои заслуги перед государством, Микулин указал, что участвовал в этом событии "в прошлом 163-м году", поскольку слово "прошлый" в деловой письменности, и в частности в датировке челобитных, имело значение "любой предшествующий"[22], автор же "Повести" мог понять его в обиходном значении и передатировать событие предшествующим 1658-му годом. Тем самым действие как бы "спрессовывалось" во времени, воплощая идею скорого воздаяния за проступок и раскаянье наказанием и прощением.

Подведем итоги изложенного. 1. Исходя из состава заключенных в Виленском кресте реликвий, отраженного всеми списками "Повести",

---

[22] С.С.Волков. Лексика русских челобитных XVII века.., с.76.

и отсутствия "Повести" в Муромских сборниках до второй четверти ХУIII века, время написания "Повести о чудесах Виленского креста" мы отодвигаем в первую половину ХУIII века. 2. Следы устных рассказов действующих лиц "Повести" в ее тексте объясняются использованием более ранней письменной фиксации этих рассказов, в том числе, возможно, челобитной о выплате полонных денег Василия Микулина. 3. Ошибочные указания времени исторических событий в "Повести" являются результатом авторской обработки источника для более яркого выявления идейной сущности произведения.

На протяжении ХУIII в. в Муроме активно переписывался "Муромский сборник", что свидетельствует о продолжении традиций древнерусской литературы в провинции и в послепетровское время. Передатировка "Повести о чудесах Виленского креста" позволяет утверждать, что традиция была живой и творческой, что произведения древнерусской литературы не только переписывались, но и создавались.